

раз напротив кровати мужа, так что, высунув голову, оба они могли видеть друг друга. У этой дамы были две служанки, которые постоянно находились при ней. Нередко перед сном дворянин и его жена читали в постели. Служанки их в это время держали свечи, причем молодая светила сеньору, а пожилая – своей госпоже. Видя, что служанка и моложе и красивее его жены, Токас стал заглядываться на нее и подчас отрывался от книги, чтобы поболтать с нею. Жена его все это слышала и считала, что нет ничего плохого в том, что слуги и служанки помогают ее мужу немножко развлечься, ибо была уверена в том, что, кроме нее, он никого не любит.

Но однажды вечером, когда они читали дольше обыкновенного, дама эта посмотрела издали на кровать своего мужа, возле которой, повернувшись к ней спиной, стояла молодая служанка, державшая свечу. Мужа ей не было видно, так как между их постелями был камин; на белую стену, которую озаряла свеча, падали тени от его лица и от лица служанки, видно было, как лица эти то приближаются друг к другу, то отдаляются и смеются. И видно было все так отчетливо, как будто то были не тени, а сами лица. Дворянин, уверенный, что жена не видит его, стал без всякого стеснения целовать служанку. Сначала жена его стерпела и ни слова ему не сказала. Но когда она увидела, что тени их лиц очень уж часто сходятся, она испугалась, как бы дело не зашло еще дальше. Тогда она начала громко смеяться: тени испугались и отдалились друг от друга. Муж спросил, что ее так рассмешило.

– Друг мой, – ответила она, – я так глупа, что смеюсь над собственной тенью.

И сколько он ни допытывался до истинной причины ее смеха, она больше ничего ему не сказала. И тени больше уже не тянулись друг к другу.

– Вот что мне вспомнилось, когда вы рассказали мне о даме, любившей подружку своего мужа.

– Можете быть спокойны, – сказала Эннасюита, – если бы моя служанка позволила себе такое озорство, я бы встала с постели и убила бы ее этим подсвечником.

– Вы чересчур уж жестоки, – сказал Иркиан, – но муж наш отлично бы сделал, если бы заключил против вас союз со своей служанкой, и вы потерпели бы поражение: можно ли поднимать столько шума из-за какого-то поцелуя? Жена этого дворянина поступила правильно, что промолчала и не стала его волновать, чтобы дать ему поправиться от болезни.

– Да, но она боялась, что, если они будут продолжать вести себя так и дальше, – заметила Парламанта, – он этим усугубит свой недуг.

– Она не из тех, – сказала Уазиль, – о ком говорится в Священном писании: «Мы вас жалели, а вы не плакали, мы пели, а вы не плясали», – потому что, когда муж ее был болен, она плакала, а когда он был весел, она смеялась. Так каждая порядочная женщина должна бы делить с мужем и радость и печаль, любить его, служить ему и быть ему послушной, как Церковь послушна Иисусу Христу.³⁸¹

– Тогда надо было бы, благородные дамы, – сказала Парламанта, – чтобы мужья наши делали для нас то, что Христос сделал для Церкви.

– Мы так и поступаем, – сказал Сафредан, – и если бы это было возможно, мы бы даже превзошли его, ибо Христос умирал ради Церкви всего один раз, а мы ради наших жен умираем каждый день.

– Умираете! – воскликнула Лонгарина. – Мне кажется, что и вы, и другие присутствующие здесь мужчины, после того как женились, так поправились, что во много раз выросли в цене.

– Я знаю, почему это так, – сказал Сафредан, – это потому, что способности наши, подобно золоту, выдерживают все испытания, но плечи наши устали под тяжестью супружеских лат, которые мы столько времени носим.

– Если бы вас действительно заставить целый месяц походить в упряжке и спать на жестком, – оказала Эннасюита, – как бы вам захотелось поскорее вернуться в постель к жене и снова облачиться в те самые латы, на которые вы сейчас жалуетесь. Но говорят, что можно вынести все, кроме безделья. Отдых и покой мы умеем ценить лишь тогда, когда мы их потеряли. А эта пустая женщина, которая смеялась, оттого что мужу ее было весело, умела, должно быть, при всех обстоятельствах сохранять душевный покой.

– Должно быть, покой свой она любила больше, чем мужа, – язвительно заметила Лонгари-

³⁸¹ Ссылка на Ев. от Луки (VII, 32).